B804

Идеалы человѣчества

на

рубежѣ двухъ столѣтій.

профессора московской духовной академіи

С. С. Глаголева.

B
804

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1901.

1е.

Пров
ПРОВ. 1957
139
37

Идеалы человѣчества

на

рубежѣ двухъ столѣтій.*)

«Старѣясь въ сомнѣньяхъ о великихъ тайнахъ, идутъ невозвратно вѣка за вѣками, и у каждаго вѣка вѣчность вопрошаетъ: чѣмъ кончилось дѣло? Вопроси другого, каждый отвѣчаетъ». За длинною вереницей столѣтій уходитъ теперь въ невозвратное прошлое и XIX-й вѣкъ, и ему на роковой вопросъ вѣчности предстоитъ дать отвѣтъ, содержащій сознаніе, что великія загадки міра и для него остались загадками. Печать, лежащая на тайнѣ бытія, также прочна и крѣпка, какъ была она прочна и крѣпка въ дни Коперника, во время Пиѳагора, въ эпоху, когда зарождалась научная астрономія въ Халдеѣ. Постепенно расширялся кругозоръ человѣчества: за предѣлами Юпитера люди увидали Урана, затѣмъ, за Ураномъ — Нептуна. Измѣнялось пониманіе точки зрѣнія: сначала человѣкъ представлялъ, что онъ разсматриваетъ міръ изъ центра вселенной, затѣмъ онъ сталъ считать свой обсерваціонный пунктъ находящимся какъ бы на міровой периферіи, наконецъ онъ пришелъ къ заключенію, что онъ находится какъ бы на нѣкоторомъ движущемся суднѣ, которое, согрѣваемое солнцемъ, пронизываетъ міровое пространство, направляясь теперь къ созвѣздію Лиры. Такъ поле зрѣнія расширялось, человѣкъ ориентировался на пунктѣ своихъ наблюденій. Но все то,

*) Публичная лекція, прочитанная въ залѣ Синодальнаго училища 22 марта 1900 г.

что онъ увидѣлъ и все то, что онъ узналъ, не дали ему никакого ключа къ той тайнѣ, какую онъ хочетъ узнать.

Эту истину, что наши знанія и изслѣдованія не открываютъ намъ вѣчной истины,—если хотите—даже не приближаютъ къ ней, эту истину впервые ясно и твердо установилъ XIX вѣкъ. И въ предшествовавшія столѣтія, какъ и въ XIX-е, люди и признавали и отрицали Бога. Одни возносили молитвы къ Отцу, который на небесахъ, другіе глумились надъ молящимися; одни встрѣчали смерть съ раскаяніемъ и страхомъ предъ ожидающимъ ихъ возмездіемъ, другіе видѣли въ смерти только конецъ радостямъ жизни, переходъ въ небытіе. Несомнѣнно однако, что тѣ и другіе претендовали на то, что они владѣютъ тайною бытія. По представленію однихъ этотъ видимый міръ есть только образъ, тѣнь міра невидимаго, сѣнь грядущихъ благъ; по представленію другихъ этотъ міръ и есть единственно существующій міръ и тотъ, кто оставляетъ его, перестаетъ существовать совсѣмъ. Между этими двумя взглядами, конечно, всегда колебалось сомнѣніе, неувѣренно переходящее отъ отрицанія къ утвержденію и наоборотъ. Но XIX вѣкъ попытался установить и научно обосновать новую точку зрѣнія на тайны вселенной. Мы можемъ знать только этотъ міръ, только явленія этого міра, ихъ взаимную связь и послѣдовательность. Проникнуть за завѣсу этихъ явленій мы не въ состояніи. Тайны міра недоступны намъ. Небо не хочетъ открывать своихъ тайнъ и намъ не остается ничего болѣе, какъ смириться предъ этимъ безмолвіемъ неба, нашъ удѣлъ—земля, намъ должно жить ея интересами. Вопросы о Богѣ, безсмертіи не должны занимать насъ, эти вопросы неразрѣшимы и потому праздны. Намъ нечего предаваться праздными мечтамъ о какомъ-то заоблачномъ раѣ — небо нужно предоставить «воробьямъ, рѣзвымъ сильфамъ и всѣмъ въ этомъ родѣ». Наша задача устроить рай на землѣ. Оставимъ праздныя изслѣдованія неразрѣшимыхъ вопросовъ. Когда назадъ тому двѣ съ половиною тысячи лѣтъ у китайскаго мудреца спросили: «будемъ ли или не будемъ мы жить

послѣ смерти»? Онъ отвѣтилъ: «я ничего не знаю о жизни, какъ вы хотите, чтобъ я зналъ что-либо о смерти». Но китайскій мудрецъ былъ непослѣдователенъ. Не претендуя на то, что онъ можетъ рѣшить вопросъ о безсмертіи, онъ, однако, совѣтовалъ своимъ ученикамъ относиться къ своимъ умершимъ предкамъ такъ, какъ будто бы они были живы, оказывать имъ почтеніе, какъ живымъ. Такъ непослѣдователенъ былъ и скептицизмъ софистовъ въ древней Греціи и скептицизмъ начала новыхъ вѣковъ во Франціи—скептицизмъ Монтеня и Паскаля. Съ одной стороны, ничего нельзя знать о Богѣ, съ другой—должно жить такъ, какъ будто мы знаемъ, что Онъ есть. Мыслители XIX вѣка пожелали быть послѣдовательнѣе. Къ тому, чего мы не знаемъ, съ чѣмъ у насъ не открывается никакой связи, у насъ не можетъ быть никакого отношенія. Мы не видѣли Бога, Онъ не открывается намъ, мы не ощущаемъ Его, поэтому не будемъ говорить и думать о Богѣ, не будемъ обращаться къ Нему съ мольбами, не будемъ спорить: существуетъ ли Онъ или нѣтъ, забудемъ о Немъ. Таковъ итогъ философскихъ и научныхъ работъ XIX столѣтія. Какимъ бы пестрымъ и сложнымъ не представлялось намъ движеніе философской мысли въ Германіи, Франціи, Англіи, на этомъ пестромъ фонѣ рѣзко выдѣляется одно преобладающее направленіе. Его называютъ новокантіанизмомъ, агностицизмомъ, позитивизмомъ, ассоціанизмомъ и другими именами, въ формѣ изложенія и подробностяхъ оно имѣетъ различные оттѣнки, но его сущность одна: философія всѣхъ этихъ названій говоритъ: я ничего не знаю о тѣхъ вопросахъ, которыми всегда занималась философія (Богъ, назначеніе человѣка) и ничего не желаю о нихъ знать.

Говорятъ о великихъ научныхъ завоеваніяхъ XIX столѣтія. Воздадимъ должное совершившимъ ихъ великимъ завоевателямъ. Они возвѣстили міру много новаго. Но вотъ, что представляется несомнѣннымъ: то новое, что возвѣстили они, не только не уменьшило числа міровыхъ загадокъ, напротивъ, безмѣрно умножило ихъ. Прежде всего это

должно сказать о наукѣ, повидимому, самой простой, безспорной и наглядной—о геометріи. Труды Лобачевскаго, Гаусса, Римана показали, что основанія геометріи далеко не безспорны, что наши представленія протяженія можетъ быть не отвѣчаютъ дѣйствительности, и какова эта дѣйствительность, мы не можемъ этого знать. Таковъ неутѣшительный итогъ математическихъ изслѣдованій XIX столѣтія. Геометрія занимается формами, въ которыхъ является матерія; химія и физика занимается самой матеріей. Что дали онѣ? Химія, какъ наука, существуетъ почти только столѣтіе и она уже разрослась до громадныхъ размѣровъ. Какія же тайны матеріи открыла она? Уму человѣка свойственно стремленіе къ единству, и руководясь этимъ стремленіемъ, мыслители издавна полагали, что матерія въ сущности едина, что различные виды вещества — металлы, металлоиды, щелочи, соли, кислоты, это—модификаціи единой первоосновы. Руководясь этой мыслью, алхимики среднихъ вѣковъ пытались добывать золото изъ сѣры и ртути. Но химія не дала удовлетворенія этимъ исканіямъ. Къ началу XX столѣтія она насчитываетъ болѣе 70 простыхъ тѣлъ, т.-е. такихъ, которыя она мыслитъ, какъ первоначальныя, и вопросъ о происхожденіи которыхъ она отказывается ставить. Работами Лотана Мейера и Менделѣева установлена связь между этими простыми тѣлами, выяснено, что у нихъ существуетъ опредѣленное родство свойствъ, но самъ творецъ періодической системы, формулировавшій законы этихъ свойствъ, Менделѣевъ, сознается, что она не проливаетъ свѣта на вопросъ о единствѣ матеріи, что существующіе виды матеріи мы должны мыслить, какъ различныя комбинаціи 70 первоначалъ (не правда ли, это не мало?), а не модификацій единой первоосновы. Въ самые послѣдніе годы открыто нѣсколько новыхъ элементовъ въ воздухѣ (аргонъ и другіе), недавно Круксомъ открытъ викторій, и едва ли какой химикъ грезитъ, что ему удастся въ близкомъ будущемъ разложить многія простыя тѣла и свести число элементовъ къ меньшему, чѣмъ теперь. Далеко впередъ

двинулась физика въ XIX столѣтіи. Какое громадное разстояніе между игрушечнымъ змѣемъ Франклина и электрическими машинами теперешнихъ физическихъ кабинетовъ! Широкую задачу намѣтили было себѣ физики XIX столѣтія: старую философскую мысль, что всѣ явленія міра суть различнаго рода движенія, это философское предположеніе превратить въ строго разработанную научную теорію. Истолковать міръ, какъ нѣкое perpetuum mobile. Но оказалось, что то, что представлялось такимъ легкимъ для фантазіи философовъ, трудно и можетъ быть совсѣмъ неосуществимо въ дѣйствительности. Идею единства силы начинаетъ вытѣснять мысль о множественности энергій. Въ курсахъ физики эта новая мысль еще не получила права гражданства: теплота, свѣтъ, звукъ тамъ разсматриваются безусловно, какъ различные роды движенія. Разработанной теоріи электричества нѣтъ, но обыкновенно показывается возможность истолковывать и электрическія явленія, какъ нѣкоторое движеніе и именно наиболѣе родственное свѣтовому. Однако уже нѣкоторыя апріорныя соображенія, утверждающіяся на законѣ сохраненія энергіи, колеблятъ эту теорію единства. Представимъ себѣ два абсолютно твердые и равные атома, двигающіяся одинъ навстрѣчу другому съ равными скоростями. Послѣ встрѣчи они должны остановиться. Движеніе исчезнетъ, уничтожится. Но въ природѣ сила не можетъ уничтожиться. Говорятъ, что разъ прекращается движеніе, то является теплота. Температура прекратившаго движеніе тѣла повышается. Сущность явленія полагаютъ въ томъ, что частицы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, приходятъ въ болѣе быстрое молекулярное движеніе, и это невидимое движеніе познается нами, какъ теплота. Но въ приведенномъ нами примѣрѣ видимое движеніе атомовъ не можетъ перейти въ невидимое движеніе ихъ частицъ, потому, что у атомовъ нѣтъ частицъ. Такимъ образомъ, въ приведенномъ нами случаѣ или сила должна исчезнуть, или, если вмѣсто движенія явится теплота, то, значитъ, произойдетъ замѣщеніе одной энергіи другою, а не преобразованіе

одного рода движенія въ другой. Такимъ образомъ уже теоретическій принципъ сохраненія энергіи требуетъ, какъ своего дополненія, предположенія о множественности существованія энергій, замѣщающихъ одна другую эквивалентнымъ образомъ. Факты ведутъ къ тому же предположенію. Вычисленія никакимъ образомъ не позволяютъ отождествить явленія притяженія и явленія свѣта, какъ результатъ въ сущности одного и того же движенія. Сила притяженія, повидимому, распространяется мгновенно, тѣло, введенное въ міровую среду, немедленно начинаетъ притягивать къ себѣ всю вселенную. Свѣтъ — со скоростію 300 километровъ въ секунду. Наиболѣе выдающіяся физики (напримѣръ, Герцъ) стали склоняться къ тому воззрѣнію, что совсѣмъ не дѣло физиковъ и невозможно для нихъ дать ученіе о сущности энергій, дѣйствующихъ въ мірѣ. Гипотезы объ этихъ энергіяхъ, какъ праздныя, должны быть выброшены изъ науки. Задача физики опредѣлить математически способъ дѣйствія энергій и путемъ алгебраическаго анализа установить ихъ связь. Если 424 килограмма упадутъ съ высоты 1 метра на землю, то они дадутъ единицу теплоты. Вмѣсто движенія явится тепло. Вычисленія Джоуля и Мейера точно опредѣляютъ, какое количество перваго замѣщается какимъ количествомъ второго. Но что такое тепло, что такое движеніе, что такое свѣтъ, электричество, лучи Рентгена? Физика не можетъ дать отвѣтовъ на эти вопросы. Въ доброе старое время говорили объ электрическихъ, свѣтовыхъ жидкостяхъ, теперь говорятъ, объ эѳирѣ, но собственно это — мистицизмъ въ наукѣ. Задача науки изгонять изъ своей области все мистическое; ея идеалъ— выразить въ дифференціальныхъ уравненіяхъ всѣ физическія и химическія явленія, оставляя безусловно въ сторонѣ вопросъ о субстратѣ этихъ явленій. Механическое міровоззрѣніе, этотъ идеалъ матеріалистической философіи прошлаго, стремилось всегда представить міръ, какъ perpetuum mobile—вѣчно самодвижущуюся машину. Законъ сохраненія движенія, установленный въ половинѣ XIX вѣка, повидимо-

му, давалъ твердую опору такому міровоззрѣнію, но только— повидимому, на самомъ дѣлѣ онъ всецѣло подрывалъ его. Жизнь физическаго міра обусловливается не движеніемъ, а неравенствомъ движеній, неравенствомъ дѣйствія энергій. Неравныя температуры стремятся уравновѣситься; нарушенное равновѣсіе стремится къ возстановленію. Взволнуйте воду на поверхности пруда и оставьте ее, она придетъ въ покойное состояніе, принесите въ комнату кусокъ льда, онъ растаетъ, и образовавшаяся вода послѣ нѣкотораго времени приметъ комнатную температуру. Все въ природѣ стремится къ равновѣсію, а жизнь обусловливается нарушеніемъ равновѣсія. Какой же таинственный агентъ нарушаетъ это равновѣсіе тѣлъ во вселенной? Физика, учащая о силахъ вселенной, не знаетъ этого агента. Много физическихъ явленій, начиная съ свѣтовой поляризаціи и кончая свѣтомъ, проходящимъ черезъ твердыя преграды, узнало XIX столѣтіе. Открыто много законовъ, управляющихъ этими явленіями. Но результатъ всѣхъ этихъ открытій есть сознаніе того, что физическій міръ далеко не такъ простъ, какъ это думали. А, конечно, придти къ сознанію, что задача труднѣе, чѣмъ предполагалось сначала, далеко не значитъ рѣшить задачу. Несомнѣнно, что уму мыслителей конца XVIII и начала XIX столѣтія міръ и его исторія представлялись несравненно проще и яснѣе, чѣмъ теперь. Тогда уже была формулирована теорія сохраненія вещества (Лавуазье: ни одинъ атомъ не исчезаетъ, ни одинъ не создается вновь), и тогда уже Лапласомъ изъ немногихъ принциповъ движенія было истолковано образованіе всей солнечной системы. Полвѣка ученіе Лапласа держалось непоколебимо, но затѣмъ наука начала выдвигать противъ нея одинъ фактъ за другимъ, и теперь уже не имѣется общепризнанной теоріи происхожденія нашей системы. Гипотеза Лапласа отошла въ исторію, гипотезы Фая, Норденшильда, Локіера, Лигондэ, предложенныя вмѣсто нея, это уже не математическія теоріи, а просто гаданія, чуждыя точности и опредѣленности, не выходящія изъ фактовъ и не истол-

ковывающіе ихъ.[1]) Такъ въ представленіи мыслителя наступающаго XX столѣтія міръ является сфинксомъ гораздо болѣе загадочнымъ, чѣмъ какимъ онъ представлялся ученымъ столѣтіе назадъ.

Безспорно, въ XIX столѣтіи чрезвычайно расширились представленія объ исторіи земли, объ органической жизни, о связи организмовъ и ихъ судьбѣ. Но расширилось знаніе фактовъ, зато мало подвинулись въ пониманіи ихъ значенія и причинъ. Въ XVIII столѣтіи вопросъ о происхожденіи жизни рѣшали очень просто. «Все отъ натуры», говорилъ одинъ семинаристъ во время Павла I-го и указывалъ на блоху, происходящую будто бы путемъ произвольнаго зарожденія. Для вразумленія этого юнаго раціоналиста были употреблены розги. Но должно ли было судить его такъ строго, когда онъ былъ только отголоскомъ философовъ и ученыхъ эпохи? Всѣ они думали, что низшіе организмы возникаютъ сами собою. XIX вѣкъ разсѣялъ эту грезу. Путемъ изслѣдованій былъ открытъ обширнѣйшій міръ микроорганизмовъ, было выяснено, что заразныя болѣзни обязаны этимъ легендарно-микроскопическимъ существамъ своимъ происхожденіемъ, и однако величайшій изъ изслѣдователей въ этой области, Пастёръ, установилъ, что вездѣ эти организмы происходятъ отъ организмовъ себѣ подобныхъ и нигдѣ не возникаютъ непосредственно изъ неорганической среды. Для ученаго начала XIX столѣтія вопросъ о томъ, откуда явились на землѣ первые организмы не представлялъ трудностей. Кислородъ, углеродъ, водородъ и азотъ смѣшались, вступили въ химическое соединеніе и произвели первую монеру, или инфузорій. Ученый начала XX столѣтія долженъ сознаться, что онъ не знаетъ, какъ возникли въ далекомъ геологическомъ прошломъ первые организмы, и долженъ прибавить, что дѣйствительность не даетъ никакихъ указаній на это таинственное и великое событіе: все про-

[1]) См. С. Глаголева: Гаданія ученыхъ о происхожденіи міра. Харьковъ. 1898 г.

исходитъ отъ подобнаго себѣ, всякое существо происходитъ изъ материнскаго организма. Но какъ мертвая земля породила первый живой организмъ, этого не знаетъ, не понимаетъ и объ этомъ ничего не можетъ сказать современная наука [1]). Съ XIX столѣтіемъ связывается дарвинистическая теорія происхожденія растительныхъ и животныхъ видовъ. Не будемъ спорить о томъ—справедлива или несправедлива эта теорія происхожденія высшихъ организмовъ отъ низшихъ, но вотъ, думаемъ, съ чѣмъ въ этомъ вопросѣ одинаково должны согласиться и дарвинистъ и антидарвинистъ. Въ началѣ XIX столѣтія вопросъ о происхожденіи видовъ представлялся гораздо болѣе легкимъ и простымъ, чѣмъ въ концѣ вѣка. Въ началѣ столѣтія Ламаркъ училъ, что органы развиваются вслѣдствіе упражненія, что постоянное вытягиваніе шеи у нѣсколькихъ поколѣній нѣкотораго рода организмовъ создало длинношеій видъ жирафъ, что постоянное пребываніе нѣкоторыхъ млекопитающихъ въ водѣ превратило ихъ лапы въ полуплавники (у моржа) и т. п. Уже Дарвинъ не принималъ этой теоріи упражненія органовъ. Но въ концѣ столѣтія Вейссманъ выдвинулъ ученіе, что по закону наслѣдственности отцы передаютъ дѣтямъ только тѣ качества и свойства своего организма, которыя они сами получили отъ природы. Откуда же происходитъ и какъ дѣйствуетъ измѣнчивость? Пусть лошадь произошла отъ гиппаріона, но какъ, какіе факторы произвели перерожденіе перваго во вторую? Современная біологія должна сознаться, что она безусловно ничего не знаетъ объ этомъ. Не только происхожденіе видовъ, но и явленія питанія и размноженія утратили тотъ простой видъ, въ которомъ они рисовались ученому XVIII вѣка. Даже то физическое начало, изъ котораго объясняли процессы питанія—капиллярность, всасываніе—оказалось трудно объяснимымъ, и доселѣ нѣтъ совершенной теоріи волосности. Но кромѣ того физіологи начинаютъ настаивать, что изъ этого начала физіологія питанія

[1]) См. С. Глаголева, Происхожденіе жизни. Петербургъ. 1899 г.

и усвоенія веществъ не можетъ быть истолкована во всей своей полнотѣ. Что касается до размноженія, то одни факты оплодотворенія у растеній представляютъ безконечное поле для изслѣдованій. И вездѣ темнота! Что это за мужское начало у растеній? Какой смыслъ своеобразнаго чередованія поколѣній? Факты съ внѣшней стороны изучены. Безспорно, они представляютъ въ себѣ какую-то цѣлесообразность, какую-то мысль, какой-то планъ. Этого не отрицаютъ и дарвинисты. Въ короткой жизни однолѣтняго растенія они хотятъ видѣть сжатое повтореніе всей исторіи растительнаго міра. Можетъ быть въ этой жизни нужно видѣть еще что-либо иное. Но на самомъ дѣлѣ процессъ этой жизни не истолкованъ. Ни одинъ біологъ не объяснитъ намъ, почему листья клена имѣютъ не такую форму, какъ листья липы, и почему изъ гусиныхъ яицъ высиживаются гуси, а не утки.

Много въ XIX столѣтіи занимались изслѣдованіемъ духа. Изслѣдовано много явленій, которыхъ совсѣмъ не зналъ XVIII вѣкъ. Гипнотизмъ, внушеніе, чтеніе мыслей. Раціоналисты XVIII вѣка не повѣрили бы, если бы имъ стали разсказывать объ этихъ явленіяхъ. Но всѣ эти новые факты психологіи и психіатріи не подвинули рѣшеніе вопроса о душѣ, а только осложнили его. XVIII вѣкъ допускалъ только два рѣшенія вопроса: или душа есть нѣчто самостоятельное и безсмертное, временно соединенное съ тѣломъ, или она есть функція тѣла, гармонія организма, разрушающаяся съ нимъ. XIX вѣкъ осложнилъ вопросъ. Явились предположенія, что можетъ быть духъ, сознаніе есть нѣчто сложное, образующееся изъ какихъ-то низшихъ психическихъ началъ, или можетъ быть, что человѣческій духъ есть нѣкоторое низшее сознаніе, входящее, какъ нѣкоторый подчиненный элементъ въ какое-то сознаніе высшее? Новые теоріи не устранили старыхъ рѣшеній, онѣ присоединились къ нимъ, число предположеній умножилось, и выборъ истиннаго рѣшенія оказывается болѣе затруднительнымъ. Самая наука о душѣ — психологія прямо отказывается теперь да-

вать рѣшенія вопроса о существѣ души; она ограничиваетъ свой предметъ изслѣдованіемъ душевныхъ явленій, опредѣленіемъ ихъ взаимной зависимости и зависимости ихъ отъ тѣла. Выразить законы душевныхъ явленій въ математической формѣ — идеалъ современной психологіи, — психологіи безъ души—но она не имѣетъ своею задачею проникать за поверхность этихъ явленій, опредѣлять ихъ субстратъ. Отъ этихъ ненаучныхъ цѣлей отрекается научная психологія.

Если подвести итогъ научнымъ завоеваніямъ XIX вѣка, завоеваніемъ не въ области техники и медицины, не въ области открытій и изобрѣтеній, а въ области чистой мысли, то ихъ, пожалуй, можно во многихъ областяхъ знанія резюмировать такъ: ученые пришли къ ясному сознанію правды сократовскихъ словъ: я знаю, что я ничего не знаю. Въ прошедшіе вѣка было много мнимаго знанія, было много мнимыхъ рѣшеній вопросовъ. XIX вѣкъ вскрылъ обманчивость и призрачность подобныхъ рѣшеній, но онъ не сталъ особенно трудиться надъ составленіемъ рѣшеній новыхъ; онъ намѣтилъ себѣ болѣе скромныя задачи изслѣдовать только тѣ вопросы, для рѣшенія которыхъ данъ достаточный матеріалъ. Для рѣшенія вопросовъ о вѣчныхъ истинахъ не имѣется-де ни матеріала ни методовъ. XIX вѣкъ и завѣщаетъ XX-му оставить эти истины или вопросы въ покоѣ.

Попытаемся на минуту это сдѣлать. Перестанемъ тянуться къ небу, къ которому въ теченіе тысячелѣтій человѣчество обращалось съ своими лучшими помыслами и упованіями. Займемся всецѣло землею. Нашъ удѣлъ—земля и намъ, конечно, необходимо рѣшить вопросъ, какъ мы должны на ней жить? Это вопросъ не о томъ, какой родъ дѣятельности долженъ избрать каждый изъ насъ—это дѣло личныхъ склонностей и вкуса каждаго,—а вопросъ о принципахъ дѣятельности. Къ какой цѣли намъ нужно направляться? Какія средства должны мы употреблять для достиженія этой цѣли? Намѣтить цѣль, значитъ намѣтить идеалы. Какіе же идеалы завѣщаетъ XIX столѣтіе XX-му?

Идеалы человѣка зависятъ отъ его взгляда на самого себя,

на свое отношеніе къ окружающему. На знамени человѣчества всегда было написано excelsior (кверху). Идеаломъ человѣка всегда было то, что выше него. Солдатъ всегда желалъ быть офицеромъ, и подчиненный начальникомъ. Говорятъ, что люди прошлаго страдали страшнымъ самомнѣніемъ. Человѣкъ, считая себя вѣнцомъ творенія, думалъ, что все сотворено его ради. Солнце, луна и звѣзды, растенія и животныя, все это по представленію людей прошлаго было вызвано къ бытію исключительно ради ихъ. При такомъ взглядѣ, повидимому, нѣтъ мѣста идеаламъ. Вѣнцу творенія некуда и не для чего подниматься, ему должно только принимать дань и поклоненія. Но на самомъ дѣлѣ это неправда. Къ чести людей прошлаго должно сказать, что они глубоко сознавали свою духовную нищету. Они были очень невысокаго мнѣнія о своемъ разумѣ и о своихъ познаніяхъ, они представляли себѣ, что въ цѣпи духовно-разумныхъ существъ они занимаютъ самое послѣднее мѣсто. Они думали, что и въ земномъ мірѣ живутъ многія существа, вѣдѣніе и силы которыхъ неизмѣримо превышаютъ человѣческія. Они вѣрили въ эльфовъ, сильфовъ, духовъ лѣса и водъ, гномовъ и т. д. Представляя себѣ обширную іерархію существъ возвышающихся надъ ними, они имѣли предъ собою, такъ сказать, реальные идеалы, къ уподобленію которымъ могли стремиться. Представленія людей прошлаго были спутанны, сбивчивы, противорѣчивы. Но, однако, стремясь, какъ и люди настоящаго, къ земному благополучію, они всегда сознавали, что есть нѣкоторая идеальная правда, которую должно воплотить въ своей жизни, чтобы получить одобреніе свыше. Во имя этого убѣжденія мы слышимъ изъ самой глубокой древности раздающіеся голоса, призывающіе жить не такъ, какъ хочется, а какъ велитъ небо. Конфуцій, Зоратустра, Шакьямуни, Пиѳагоръ, Сократъ обращались къ людямъ съ подобными воззваніями, и ихъ призывъ находилъ себѣ откликъ въ сердцахъ человѣческихъ, потому что въ глубинѣ этихъ сердецъ таилось то же самое сознаніе обязательности воплотить въ своей жизни идеальную правду,

таилось убѣжденіе, что осуществленіе правды есть высшій идеалъ, высшая цѣль человѣческой дѣятельности. Платонъ высказалъ эту истину въ разсужденіи, что распятый праведникъ, котораго считаютъ несправедливымъ, счастливѣе злодѣя, который пользуется благополучіемъ и почтеніемъ. Счастливѣе, потому что независимо отъ своего несчастнаго положенія онъ находитъ свое счастіе въ своемъ соотвѣтствіи идеалу, между тѣмъ какъ второй долженъ страдать отъ своей дисгармоніи съ идеаломъ. Быть святымъ, какъ святъ Богъ (будете святи, якоже Азъ святъ), таковъ былъ идеалъ ветхозавѣтнаго израиля. Быть богоподобнымъ, таковъ былъ идеалъ древняго грека. Эпитеты «богоравный» и «богоподобный» пѣвцы Эллады усвояли тѣмъ, въ комъ они видѣли наиболѣе образцы для подражанія. Вообще у древняго человѣка идеалъ, которому онъ долженъ былъ подражать, былъ данъ, и древній человѣкъ вѣрилъ, что въ осуществленіи этого идеала онъ найдетъ и свое личное счастье и будетъ содѣйствовать счастью общему, міровой гармоніи. Эту послѣднюю мысль можно ясно видѣть въ той высокой цѣнѣ, которую древніе придавали патріотическимъ подвигамъ. Dulce et decorum pro patria mori — пріятно и прекрасно умереть за отечество. Пріятно—это—личное счастіе, прекрасно—наслажденіе красотою общее достояніе, значитъ, человѣкъ, умирающій за отечество, своимъ высокимъ подвигомъ даетъ отраду и наслажденіе всѣмъ. Курсы этнографіи легко могутъ внушить мысль, что идеалъ дикаря часто сводится къ тому, чтобы прослыть храбрецомъ, смѣлымъ и безстрашнымъ убійцей. Нѣкоторые мыслители (напримѣръ, Леббокъ и Спенсеръ) дѣлаютъ отсюда выводъ, что у этихъ дикарей нѣтъ нравственнаго чувства, и что, слѣдовательно, послѣднее не врождено человѣку. Но этотъ выводъ очень поспѣшенъ. Храбрость нужна мужчинѣ для того, чтобы охранять свой родъ, свое племя отъ враговъ, отъ страшныхъ хищниковъ. Храбрость нужна мужу не для личныхъ цѣлей, а для общаго блага. И замѣчательно, что въ древнихъ сказаніяхъ восхваляется именно эта альтруистическая

храбрость. Мужество нужно было Тезею и Геркулесу для совершенія освободительныхъ подвиговъ, для сокрушенія враговъ мирныхъ народовъ, для умерщвленія чудовищъ. Для тѣхъ же цѣлей нужны были силы и мужество Рамѣ, Кришнѣ и т. д. Но еще болѣе замѣчательно, что древность, какъ идеальныя качества, выдвигала любовь къ родинѣ, къ предкамъ. А одна страна съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ намѣтила, какъ идеалъ для мудрецовъ, побѣду духа надъ плотію. Эта страна — Индія. Тамъ браманистическая теорія аскетизма учила, что человѣкъ долженъ умертвить въ себѣ всѣ влеченія плоти, долженъ заглушить въ себѣ чувственныя желанія, долженъ побѣдить свою земную природу; одна мысль, одно желаніе должно управлять его душою: мысль о Брамѣ и желаніе соединиться съ Брамой. Путь для этого—самоусовершеніе. Различно понимали древніе народы это самоусовершеніе: въ то время, какъ аѳинскій философъ полагалъ его въ самопознаніи, спартанскій воинъ видѣлъ его въ неустрашимости. Но важно, что народы владѣли идеею о самоусовершеніи и имѣли идеалы совершенства. Дикарь могъ видѣть такой идеалъ въ своемъ вождѣ, вождь находилъ свой идеалъ въ сказаніяхъ о древнихъ герояхъ, философу предносился образъ идеальнаго мудреца. У каждаго было свое, но всѣ—хотя и въ различной мѣрѣ—жили мыслію не объ одномъ только личномъ благополучіи, но еще и мыслію объ осуществленіи нѣкоторыхъ высшихъ обязанностей и воплощеніи въ себѣ нѣкоторыхъ идеаловъ. Вообще, древній человѣкъ не считалъ себя совершеннымъ вѣнцомъ творенія, но онъ считалъ себя обязаннымъ стремиться къ совершенству. Это смутное тяготѣніе къ непостигнутому благу, это стремленіе пробираться вверхъ при отсутствіи свѣта истолковывала и освѣщала истиннымъ свѣтомъ истинная религія, уча, что идеальною задачею человѣка должна быть святость. Христосъ, который есть путь, истина и жизнь, явилъ міру идеалъ и указалъ путь и далъ средства для его достиженія. Девятнадцать столѣтій прошло съ тѣхъ поръ. Девятнадцать столѣтій человѣчество размышляло о томъ, что долженъ дѣ-

лать человѣкъ, что онъ долженъ воплотить въ своемъ поведеніи, къ чему онъ долженъ стремиться? Теперь мы стоимъ на порогѣ XX вѣка. Съ какими же завѣтами, съ какими идеалами мы вступимъ въ него? Что мы скажемъ нашимъ дѣтямъ, какіе идеалы мы будемъ рисовать имъ? Наши матери разсказывали намъ, въ дни нашего дѣтства, о великихъ подвижникахъ, претерпѣвавшихъ мученія, побѣждавшихъ природу, подчинявшихъ себѣ дикихъ животныхъ, творившихъ великіе подвиги. Наши сердца обливались кровью, когда мы слушали о крестныхъ страданіяхъ Спасителя, о гоненіяхъ на христіанъ; любовь къ добру, къ правдѣ, къ подвигамъ загорались въ нашихъ сердцахъ. Кто изъ христіанскихъ дѣтей не переживалъ этихъ святыхъ мгновеній религіознаго подъема духа? Дѣти любятъ воображать себя воинами, полководцами, путешественниками, охотниками. Но и образъ богатырей духа поражаетъ и плѣняетъ ихъ. Правда еще понятнѣе и доступнѣе имъ, чѣмъ взрослымъ. Зломъ они возмущаются гораздо искреннѣе и смѣлѣе, чѣмъ старшіе. Мысль побѣждать и лишать силы злодѣевъ и давать свободу и благополучіе униженнымъ и притѣсненнымъ сильно занимаетъ ихъ воображеніе. Отъ дѣтей нельзя скрыть, какъ пытался скрыть отецъ отъ Сиддарты, что зло существуетъ въ мірѣ, что есть несчастные и страдающіе на землѣ. Но сердце дѣтей, сжимающееся отъ созерцанія этой земной неправды, находитъ себѣ успокоеніе въ вѣрѣ въ высшую правду. Іовъ претерпѣлъ великія несчастія и получилъ великую награду, читаютъ они въ своей священной исторіи и, вѣря всему священному, они становятся покойнѣе за судьбу свою и своихъ ближнихъ: тотъ, кто охранялъ Іова и ниспослалъ ему многочисленныя блага, охранитъ, спасетъ и ихъ. Эта религіозная вѣра даетъ дѣтямъ запасъ нравственныхъ силъ, который потомъ даетъ имъ спокойствіе и свѣтлую увѣренность въ дни скорби и не даетъ имъ возгордиться во дни торжества. Но это—наша рѣчь о дѣтяхъ прошлыхъ поколѣній. Тѣмъ ихъ отцы и матери предлагали идеалы, которые становились для нихъ не только руково-

дительными началами дѣятельности, но и свѣточемъ, согрѣвавшимъ ихъ сердца и освѣщавшимъ имъ путь жизни. Какіе идеалы предложатъ отцы дѣтямъ XX столѣтія? Я сказалъ, что идеалы человѣка зависятъ отъ его взгляда на самого себя. Люди прошлаго были высокаго мнѣнія о своемъ происхожденіи, они вели свои родословныя отъ боговъ, считали себя созданіемъ Божіимъ, но они были невысокаго мнѣнія о самихъ себѣ. Люди настоящаго смотрятъ иначе и на свою родословную и на себя. Согласно господствующей теоріи человѣкъ на землѣ есть, такъ сказать, parvenu—выскочка. Вмѣстѣ съ самыми низшими животными онъ имѣетъ общихъ предковъ. Въ своей родословной онъ насчитываетъ обезьяноподобныхъ, лемуровъ, затѣмъ животныхъ, подобныхъ австралійскимъ однопроходнымъ, далѣе длинный рядъ безпозвоночныхъ—асцидіеподобныхъ и т. д. до протамебы. Совокупность счастливыхъ обстоятельствъ высоко подняла человѣка надъ окружающимъ животнымъ міромъ, и въ то время, какъ его близкіе родственники вымираютъ въ лѣсахъ Суматры, Явы, Борнео, экваторіальной Африки (оранги, чимпанзе, гориллы), онъ съ успѣхомъ стремится овладѣть всѣми произведеніями земли и океана. Выше себя современный человѣкъ никого не знаетъ ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ. Сзади себя онъ видитъ только невѣжество, дикость, жестокость, теперь онъ царь положенія вещей. И нигдѣ во всей вселенной современный человѣкъ не знаетъ никого и ничего, кто или что было бы выше и умнѣе его. Въ своихъ поискахъ того, что есть высшаго и разумнѣйшаго, онъ непрестанно возвращается къ своему собственному «я». Переставъ считать землю центромъ вселенной, онъ началъ считать свое «я» кульминаціоннымъ пунктомъ міра. Небо пусто, нѣтъ никакихъ духовъ — ни добрыхъ, ни злыхъ, нѣтъ никакихъ судей нашего поведенія и нѣтъ никакихъ владыкъ нашей судьбы. Природа, которая произвела насъ, не имѣетъ разума, она—мать безъ разума и сердца. Единственный разумъ, который мы знаемъ во вселенной, есть разумъ нашъ. Мы — судьи и самихъ себя и всего міра.

Намъ не дано отвнѣ никакихъ высшихъ нормъ, по которымъ мы должны были бы дѣйствовать. Если въ насъ заложены стремленія и инстинкты, то это случайный продуктъ эволюціи. Материнскій инстинктъ, инстинктъ сочувствія, общественности, все это случайно и съ пользою для насъ вложено въ насъ природой. Но съ пользою небезусловной. Инстинктъ побуждаетъ имѣющее его животное дѣйствовать такимъ, или инымъ образомъ. Обыкновенно подсказываемый образъ дѣйствій оказывается цѣлесообразнымъ. Но если животное попадетъ въ новыя условія жизни, при которыхъ данный инстинктъ можетъ быть только вреденъ, то этотъ благодѣтельный ранѣе инстинктъ погубитъ его. Это должно сказать и объ инстинктѣ нравственномъ. Онъ случаенъ, условенъ, подлежитъ и долженъ подлежать измѣненіямъ. Въ какой формѣ онъ долженъ быть одобренъ въ настоящее время? Какія правила, какія нормы поведенія, какіе идеалы должны мы намѣтить? Кантъ говорилъ намъ о нравственномъ императивѣ, Фихте — о нравственномъ міропорядкѣ, почти всѣ философы первой половины XIX столѣтія — о нравственныхъ идеалахъ. Но мыслители второй половины вѣка учатъ насъ, что наши нравственныя нормы—случайное явленіе, и что если уже рѣчь зашла объ идеалахъ, то можетъ быть очень желательно измѣненіе этихъ нормъ. Вообще говоря, нравственность есть инстинктъ, побуждающій индивидуума жертвовать собою и своими благами ради благъ рода. Но этотъ инстинктъ, говорятъ, иногда принимаетъ патологическія формы. Такъ, напримѣръ, смотритъ Дарвинъ на уваженіе христіанъ къ цѣломудрію и дѣвству. Здоровыя и во всѣхъ отношеніяхъ хорошія дѣвушки, говорятъ, чахнутъ и увядаютъ за стѣнами монастырей во имя извращенныхъ нравственныхъ понятій, между тѣмъ, какъ онѣ могли бы быть счастливыми женами и матерями, могли бы дать хорошихъ дѣтей, изъ которыхъ потомъ вышли бы хорошіе люди. Указываютъ въ исповѣдуемой человѣчествомъ христіанской морали еще и другіе недостатки. Христіанская мораль побуждаетъ насъ заботиться объ униженныхъ и

оскорбленныхъ, о нищихъ духомъ, объ обременныхъ и труждающихся, она повелѣваетъ намъ заботиться о благополучіи прокаженныхъ и слѣпыхъ. Но такія заботы должны вреднымъ образомъ отзываться какъ на благополучіи нашемъ собственномъ, такъ и на благополучіи нашего рода. На самомъ дѣлѣ, часть нашего времени и силъ намъ приходится употреблять на содержаніе и кормленіе людей, отъ которыхъ ни мы, ни человѣчество не получимъ никакой пользы. Намъ скажутъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это неизвѣстно: больной можетъ выздоровѣть и стать полезнымъ членомъ. Но въ очень многихъ случаяхъ это извѣстно, такъ, напримѣръ, не излѣчиваются отъ старости. Не прозрѣваютъ слѣпые, у которыхъ разрушенъ органъ зрѣнія (а между тѣмъ польза отъ слѣпыхъ никогда не окупитъ расходовъ на нихъ, особенно, если принять во вниманіе, что ради слѣпыхъ приходится голодать и зрячимъ). Безрукіе и безногіе, перетагнувшіе уже за вторую половину жизни, ничтожество духовныхъ силъ которыхъ уже выяснилось, и физическихъ силъ которые уже лишились, кромѣ безпокойства и хлопотъ ничего не дадутъ человѣчеству. Паралитики, эпилептики, чахоточные, на все раздражающіеся и всѣхъ раздражающіе, какое право имѣютъ на нашъ хлѣбъ и нашъ трудъ? Наконецъ, сумасшедшіе. Неизлѣчимые изъ нихъ только вынуждаютъ насъ на расходы, излѣчимые — опаснѣе вдвойнѣ: выйдя изъ больницъ, они могутъ жениться, нарожать дѣтей, и затѣмъ волна наслѣдственнаго безумія широко распространится по міру. Спартанцы слабыхъ дѣтей сбрасывали съ вершины Тайгета. Поступая такимъ образомъ, они рисковали погубить генія. Мы можемъ быть благоразумнѣе ихъ, мы можемъ прекращать жизнь и притомъ самыми усовершенствованными средствами только тѣмъ, которые, выяснилось для насъ, безполезны. Выпалываемъ же мы сорныя и негодныя травы въ нашихъ садахъ, въ лѣсахъ уничтожаемъ больныя деревья, отчего же намъ не поступать такъ и съ людьми? Пусть живетъ лишь то, что носитъ въ себѣ задатки умнаго, полезнаго и прекраснаго, все прочее отнынѣ должно

подвергаться истребленію столь же безпощадному, какъ иродово истребленіе виѳлеемскихъ младенцевъ. Руководясь нравственнымъ инстинктомъ, который сразу не можетъ заглушить никакая теорія, эволюціонисты можетъ быть возразятъ намъ, что убіеніе негодныхъ членовъ общества потому не можетъ быть допущено, что оно влечетъ огрубѣніе нравовъ, и что, напротивъ, наши заботы о несчастныхъ содѣйствуютъ въ насъ образованію альтруистическихъ чувствъ, которыя служатъ надежнымъ рычагомъ цивилизаціи. Нѣкоторые эволюціонисты говорятъ, что теорія Дарвина не только не идетъ противъ нравственности, напротивъ, даетъ для нея разумное основаніе. Въ борьбѣ за существованіе, спрашиваютъ, какое племя восторжествуетъ: то ли, члены котораго враждуютъ одинъ противъ другого и ненавидятъ другъ друга, или то, гдѣ члены любятъ другъ друга и помогаютъ въ нуждахъ одинъ другому? Царство, раздѣлившееся на ся, конечно, погибнетъ, напротивъ, любовь восторжествуетъ. Нѣкоторые находятъ этотъ аргументъ настолько сильнымъ, что полагаютъ, что отъ эволюціонной морали отвращаются только тѣ, которые не знаютъ или не хотятъ понять этого аргумента. Предложимъ этимъ нѣкоторымъ для рѣшенія слѣдующую задачу. Даны два общества A и B, въ каждомъ по n членовъ полезныхъ и по m членовъ больныхъ, силы членовъ полезныхъ для простоты положимъ между собою равными, именно, положимъ, что сила каждаго члена равна p. Въ обществѣ A каждый членъ обладаетъ инстинктомъ любви ко всѣмъ остальнымъ членамъ, въ обществѣ B этотъ инстинктъ видоизмѣненъ такимъ образомъ, что члены этого общества любятъ между остальными только полезныхъ, или могущихъ быть полезными. Это второе общество, слѣдовательно, не будетъ заботиться о своихъ негодныхъ членахъ и всю имѣющуюся у него силу pn обратитъ на служеніе своему благополучію и преуспѣянію. Въ обществѣ A часть силы будетъ непроизводительно расходоваться на содержаніе m негодныхъ членовъ, и потому сила этого общества, затрачиваемая на улучшеніе собственнаго существо-

ванія, выразится не величиною pn, а pn минусъ нѣкоторый X. Какое же общество болѣе приспособлено къ борьбѣ за жизнь? Конечно, общество B, а не A. Общество B и должно восторжествовать въ борьбѣ за существованіе, должна восторжествовать и его мораль, сметающая съ лица земли всѣхъ глухихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, труждающихся и обремененныхъ. Обратимъ вниманіе на другое обстоятельство. Борьба людей съ природою за существованіе, конечно, будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе успѣшною по мѣрѣ успѣховъ наукъ, между прочимъ анатоміи и физіологіи человѣка. Но успѣхамъ этихъ наукъ препятствуетъ нравственное чувство, не дозволяющее производить мучительныхъ экспериментовъ надъ живыми субъектами. Теперь людей смущаетъ даже животная вивисекція, но для пользы науки можно было бы допустить вивисекцію и людей. Для пользы науки и человѣчества для вивисекціонныхъ экспериментовъ можно было бы брать тѣхъ самыхъ негодныхъ людей, любить которыхъ оказывается безполезнымъ съ точки зрѣнія теоріи эволюціи, и которые въ качествѣ мучениковъ могли бы оказаться годными кое на что полезное. Дѣтямъ-кретинамъ можно бы было вылущивать глаза и изслѣдовать происходящія отсюда анатомическія особенности въ глазницѣ; у нѣкоторыхъ субъектовъ можно бы было вынимать или парализировать то ту, то другую часть мозга и изслѣдовать такимъ образомъ любопытный вопросъ о локализаціи ощущеній и функціяхъ мозга. Нѣкоторыхъ субъектовъ можно бы было подвергать то недостаточному, то чрезмѣрному питанію. Нѣкоторымъ для рѣшенія интересныхъ анатомическихъ вопросовъ живымъ вскрывать внутренности и т. д.... Можетъ быть многіе возмутятся нашими предложеніями и скажутъ, что на научную теорію возводится гнусное и нелѣпое обвиненіе. Мы признаемъ, что источникомъ такого негодованія будетъ доброе чувство, но только это негодованіе должно быть обращено не на обвиненіе, а на теорію, на эволюціонную теорію происхожденія человѣка. Съ эволюціонной точки зрѣнія наиболѣе приспособленнымъ къ борьбѣ за существо-

ваніе является тотъ животный родъ или видъ, индивидуумы котораго съ наивысшимъ умственнымъ развитіемъ соединяли бы инстинктъ, побуждающій ихъ содѣйствовать благу и любить тѣхъ своихъ собратьевъ, которые полезны, или могутъ быть полезны роду. Индивидуумы, которые равно бы любили всѣхъ себѣ подобныхъ, какъ полезныхъ, такъ и неполезныхъ, и ради блага вторыхъ жертвовали бы иногда благомъ своимъ и благомъ первыхъ, очевидно, стояли бы въ менѣе выгодныхъ условіяхъ въ дѣлѣ преуспѣянія своего животнаго рода. Отсюда получается выводъ: христіанская мораль, завѣщанная намъ отъ отцовъ не всегда и не во всемъ полезна, поэтому она должна уступить мѣсто иной болѣе выгодной морали.

Представители современной эволюціонной морали говорятъ, что ихъ философія утверждаетъ, что всегда торжествуетъ въ концѣ высшая сила, и что поэтому эволюціонизмъ не можетъ смотрѣть мрачно на умственное и нравственное будущее человѣчества. Въ нѣкоторыхъ ихъ произведеніяхъ болѣе точно опредѣляется, какая высшая сила восторжествуетъ въ концѣ на землѣ. Положеніе «высшая сила» восторжествуетъ само по себѣ неопредѣленно. Какая же это высшая сила? А та, которая восторжествуетъ. Опредѣлить эту послѣднюю оказывается легче. Землѣ въ будущемъ грозитъ гибель и смерть, силы природы, силы стихій уничтожатъ, убьютъ всякую жизнь на ея поверхности, человѣкъ погибнетъ со всѣми своими произведеніями науки, искусства, цивилизаціи. Убивая своимъ зловѣщимъ дыханіемъ человѣчество, природа не будетъ разбирать ни виноватыхъ, ни правыхъ. Вотъ эта высшая сила: сила смерти и разрушенія.

Современная философія не сулитъ нравственности свѣтлаго будущаго, не объясняетъ ея происхожденія, не открываетъ въ ней смысла. Оставаясь логичнымъ, философъ зари XX столѣтія долженъ признать, что съ его точки зрѣнія не существуетъ собственно ни добра, ни зла, а есть одна дѣйствительность, что человѣкъ и тараканъ оба одинаково преходящи и случайны. Съ полнымъ правомъ эволюціонисты

могли бы взять извѣстныя слова изъ Екклезіаста, какъ представляющія формулу ихъ міровоззрѣнія: «участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ одинаковая участь: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ духъ у всѣхъ, и преимущества у человѣка предъ скотомъ нѣтъ, потому что все суета. Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха и все обратится въ прахъ» (Екклез. III, 19—20).

Если бы Гейневскій безумецъ вмѣсто того, чтобы молить неумолчно шумящія волны:

O löst mir das Räthsel des Lebens
Sagt mir, was bedeutet der Mensch
Woher ist er kommen? Wo geht er hin? [1])

обратился бы за разрѣшеніемъ своего вопроса къ современнымъ мыслителямъ, они должны бы были ему отвѣтить, что съ внѣшней стороны эта загадка наполовину рѣшена, что откуда пришелъ человѣкъ извѣстно, а относительно того, куда онъ идетъ мы должны ограничиться знаніемъ его пути до могилы. О дальнѣйшемъ не должно спрашивать. Но вопросъ о томъ, какъ идти къ могилѣ, конечно, долженъ быть рѣшенъ, и тотъ путь, которымъ человѣчество изъ темнаго и безвѣстнаго состоянія въ прошломъ поднялось до настоящей культуры, повидимому, подсказываетъ, что если онъ хочетъ подниматься и въ будущемъ, то долженъ измѣнить свою мораль, по крайней мѣрѣ согласно высказаннымъ нами предположеніямъ. На 2000 человѣкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходится 50 безполезныхъ и никогда не могущихъ стать полезными ртовъ. При равенствѣ расходовъ на каждое лицо каждый, слѣдовательно, долженъ удѣлять $2^1/_2\,\%$ своего дохода на этихъ безпомощныхъ братьевъ. Полагая, что на послѣднихъ тратятъ меньше, чѣмъ на себя, можно принять, что на нихъ каждому приходится удѣлять приблизительно

---

[1]) О разрѣшите мнѣ загадку жизни.
Скажите мнѣ, что такое человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ, куда онъ идетъ?

1% своего дохода. У общества возникаетъ мысль: а что если избавиться отъ этихъ непріятныхъ лишнихъ ртовъ? Тогда лишній процентъ можно будетъ употребить на науки, искусства, на улучшеніе своего быта. Если затѣмъ общество обратится за руководствомъ къ эволюціонной философіи, то та только можетъ санкціонировать эту мысль.

Сказать правду, эта философія второй половины XIX столѣтія подсказываетъ гораздо большее. Философія конца XVIII столѣтія написала на своемъ знамени: братство, свобода, равенство [fraternité, liberté, égalité], и въ Парижѣ на общественныхъ зданіяхъ мы постоянно встрѣчаемъ написанными эти три слова, они написаны даже на соборѣ Богоматери (notre dame), какъ будто французы хотѣли сказать св. Дѣвѣ, что нравственный идеалъ, предложенный Христомъ, ими уже осуществленъ, что всѣ люди поднялись одинаково высоко, что между ними возможно равенство, всѣмъ можетъ быть предоставлена полная свобода, и что между всѣми чувствуется нравственная солидарность. Но философія конца вѣка говоритъ иное. Задачею человѣчества теперь должно быть сознательное стремленіе къ усовершенствованію, въ прошедшемъ наши предки прогрессировали, не сознавая, что идутъ впередъ, и такъ тысячелѣтія назадъ племя людей возвысилось надъ приматами, теперь наша задача—подняться надъ тѣмъ, что называютъ человѣкомъ; если человѣкъ могъ произойти отъ того, что ниже человѣка—отъ примата, отъ обезьяны, то отъ человѣка можетъ произойти то, что выше человѣка—вышечеловѣкъ, Uebermensch—существо съ высшими органами чувствъ, съ высшими способностями. Но для того, чтобы такое существо или родъ такихъ существъ могъ возникнуть, нужно, чтобы то, что есть лучшаго и высшаго въ человѣчествѣ, обособилось бы отъ умственныхъ низовъ. Массы должны служить, должны быть рабами этой аристократіи наукъ и искусствъ, массы должны погибнуть въ тяжелой и черной работѣ, а лучшая часть человѣчества по ихъ спинамъ и костямъ должна подниматься къ совершенству. Такая философія уже проповѣдуется. Правда, тотъ,

кто изложилъ ее наиболѣе ясно и рѣшительно (Ницше), теперь сошелъ со сцены. Но это не колеблетъ логичности его выводовъ, они слѣдуютъ съ неизбѣжностью изъ теоріи эволюціи: нѣтъ никакихъ основаній ни утверждать, ни желать, чтобы процессъ развитія остановился на человѣкѣ, съ другой стороны всякое развитіе, всякая эволюція немногихъ непремѣннымъ условіемъ поставляетъ, что для нея должно быть принесено въ жертву очень многое и очень многіе. Можно, конечно, изъ этой философіи, не желающей ничего знать кромѣ жизни на землѣ, сдѣлать и другой выводъ. Какое намъ дѣло до благополучія рода, до счастія какихъ-то нашихъ отдаленныхъ потомковъ и потомъ благополучіе рода обусловливается благополучіемъ составляющихъ его индивидуумовъ и потому не будетъ ли самымъ разумнѣйшимъ съ нашей стороны отбросить мысль о всякомъ усовершенствованіи, а стараться только получить, какъ можно больше пріятныхъ мгновеній на пиру жизни? Будемъ ѣсть и пить, потому что мы завтра умремъ. Будемъ жить такъ, какъ намъ хочется, какъ намъ пріятно, какъ только возможно, не ставя себѣ никакихъ идеаловъ, не намѣчая себѣ никакихъ высокихъ цѣлей. И такой выводъ сдѣланъ, и катихизисы въ духѣ такой философіи предлагаются человѣчеству. Дѣлай, что тебѣ нравится, говорятъ они. Ты любишь помогать бѣднымъ, помогай. Любишь молиться, молись. Что изъ того, что слова твоей молитвы замрутъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, не поднимаясь никуда болѣе. Молитва доставляетъ тебѣ удовольствіе, какъ другимъ доставляетъ удовольствіе шахматная игра, а каждый имѣетъ право развлекаться по своему. Если тебѣ нравятся обманы, клятвопреступленія, убійства, вино, прелюбодѣяніе, твое дѣло и твое право добиваться того, что тебѣ желательно. Таково, наприм., ученіе Шурихта. Какъ намъ разобраться во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ? Что мы должны дѣлать и что мы должны завѣщать нашимъ дѣтямъ? Арена, на которой протекаетъ исторія человѣчества, не обширна. Вся поверхность земного шара заключаетъ въ себѣ менѣе 450 милліоновъ квадратныхъ

верстъ. Къ этой поверхности прикованы мы, къ ней привязаны всѣ наши мысли, чувства, желанія. Надъ ней мы никогда не поднимемся, и въ ея глубинахъ найдутъ себѣ покой наши кости. Намъ и нужно заботиться только о томъ, чтобы поудобнѣе устроиться на этой поверхности, посчастливѣе прожить на ней. Намъ не только безполезно разсуждать объ иномъ мірѣ, но безполезно заглядывать и въ слишкомъ далекое будущее нашего міра земного. Онъ долженъ погибнуть. Солнце померкнетъ, перестанетъ посылать на землю тепло и свѣтъ, и человѣчество или та высшая раса, которая произойдетъ отъ него, погибнетъ. Снѣжныя пелены покроютъ остывшую землю, и мысль прекратится и чувства исчезнутъ, и все погрузится въ великое море нирваны. Но если такъ, то зачѣмъ заглядывать въ это печальное будущее, зачѣмъ думать и рисовать себѣ эту безотрадную картину торжества холода и смерти. Зачѣмъ я буду представлять себѣ картину собственной предсмертной агоніи. Картина умиранія всего человѣчества еще печальнѣе и страшнѣе. Убійственный холодъ будетъ подвигаться отъ полярныхъ круговъ по направленію къ экватору. Растенія будутъ становиться низкорослыми и хилыми. Могучій дубъ превратится въ мелкій кустарникъ. Животныя будутъ мельчать и хирѣть, какъ и растенія. Будетъ происходить вырожденіе. Самая природа будетъ становиться все болѣе унылою и безотрадною. Бури, циклоны, страшныя грозы, землетрясенія, изверженія вулкановъ, наводненія, все прекратится. Вѣтры будутъ стихать. На землѣ будетъ становиться все тише и тише, пока вся она не превратится въ одну обширную и безмолвную могилу. Таковъ естественный конецъ земли. Можетъ быть земля погибнетъ и иначе, инымъ путемъ. Можетъ быть она упадетъ на солнце? Можетъ быть солнечная система на своемъ пути по небесному пространству столкнется съ другой системой, и въ этомъ столкновеніи погибнетъ нашъ міръ. Все равно: онъ погибнетъ. Эволюція не безпредѣльна, развитію видовъ, развитію жизни будетъ поставлена точка. Вотъ—истина, утверждаемая на-

укой. Но если это—истина, то зачѣмъ намъ нужно исканіе истины? Мы не найдемъ ее. Она убѣгаетъ отъ насъ, какъ тѣнь, и каждая рѣшаемая нами загадка порождаетъ десятки загадокъ новыхъ несравненно болѣе трудныхъ, чѣмъ рѣшенная. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ копаться въ глубинахъ земли, пытаясь разгадать ея прошлое, зачѣмъ при помощи телескопа и спектроскопа пытаться проникать въ тайны отдаленныхъ міровъ, зачѣмъ разбирать іероглифы египтянъ, клинообразныя надписи халдеевъ, руны исландцевъ, зачѣмъ размышлять объ эвклидовомъ постулатѣ? Намъ для улучшенія условій нашего общежитія нужно развитіе наукъ юридическихъ, для благополучія нашего тѣлеснаго организма нужно развитіе медицины (гигіены и терапіи), для житейскихъ удобствъ нужно развитіе техники, для эксплоатаціи природы нужно развитіе нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ. Конечно, всѣ эти прикладныя знанія предполагаютъ собою необходимость теоретическихъ наукъ (чистой математики и т. д.), но теоретическія науки должны существовать лишь для практическихъ цѣлей, задачею ихъ должно быть не познаніе дѣйствительности въ ея глубочайшей сущности, а эксплоатація дѣйствительности. Для этой цѣли надо изучать и изслѣдовать законы явленій и законы связи между явленіями. Проникнуть за явленія, въ ихъ сущность мы не можемъ, и поэтому вопросы о сущностяхъ должны быть нами оставлены. Величайшія наслажденія доставляются человѣку искусствомъ. Музыка уноситъ человѣка въ заоблачный міръ. Скорби и невзгоды жизни забываются, совершается какой-то таинственный подъемъ духа, возникаютъ неясныя стремленія, сладкая тоска и сладкое неопредѣленное волненіе охватываетъ человѣка. Изъ міра дѣйствительнаго музыка переноситъ человѣка въ міръ грезъ и идеаловъ. Подобное дѣйствіе производятъ и другія искусства въ своихъ лучшихъ твореніяхъ. Въ какую-то заоблачную высь направляютъ насъ мадонны Рафаэля, Мурильо, Корреджіо. Чистая красота Венеры Милосской, поражая насъ, рождаетъ въ насъ мысль о существованіи высшей неземной красоты, о которой нѣ-

когда Діотима, чужестранка изъ Мантинеи, разсказывала Сократу. Но не представляютъ ли собою въ сущности чего-то психопатологическаго эти наши эстетическія волненія, наши неясныя стремленія въ несуществующую даль? Искусство химерично и оно обманываетъ человѣка. Произведенія искусства создаются фантазіей, фантазія влечетъ насъ на путь иллюзій и галлюцинацій. Но разумный человѣкъ долженъ стремиться освободиться отъ нихъ; разумный человѣкъ никогда не долженъ признать правдивыми слова поэта «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ». Низкія истины даютъ намъ удобства и блага жизни, а возвышающій обманъ можетъ направить насъ въ домъ душевно больныхъ. Правда, реализмъ, вотъ что должно быть предметомъ нашей заботы, полеты въ заоблачную высь должны быть оставлены, у Пегаса должны быть отрублены крылья. Такіе призывы раздавались и раздаются. Провозглашается культъ трезвой дѣйствительности, и всякая попытка идеальнымъ образомъ истолковывать явленія жестоко осмѣивается, какъ осмѣиваетъ трезвый реалистъ предположенія фантазера въ извѣстномъ произведеніи нѣмецкаго поэта:

Слышишь, къ намъ несутся звуки
Контробаса, флейты, скрипки?
Это пляшутъ поселянки
На лугу подъ тѣнью липки
— Контробасы, флейты, скрипки!
Ужъ не спятилъ ли съ ума ты?
Это хрюканью свиному
Вторятъ визгомъ поросята.
. . . . . .
Слышишь пѣнье? Сладко въ душу
Льется пѣсня неземная;
Вѣютъ бѣлыми крылами
Херувимы, ей внимая...
— Бредишь ты! какое пѣнье
И какіе херувимы!
То гусей своихъ мальчишки

Распѣвая гонятъ мимо.
Колокольный звонъ протяжный
Раздается въ отдаленьи,
Въ бѣдный храмъ свой поселяне
Идутъ полны умиленья.
— Ошибаешься, мой милый!
И степенны и суровы,
Съ колокольчиками идутъ
Въ стойло темное—коровы.
Посмотри, между вѣтвями
Платье бѣлое мелькаетъ
То идетъ моя подруга
Страстью взоръ ея блистаетъ.
Вотъ потѣха! Иль не знаешь
Ты лѣсничихи-старушки?
Цѣлый день съ клюкою бродитъ
У лѣсной своей опушки [1]).

Въ первую половину жизни люди обыкновенно обнаруживаютъ склонность принимать гусей за херувимовъ. Пылкій юноша въ посредственномъ фразерѣ легко бываетъ готовъ увидѣть великаго учителя жизни, пророка новой эры, въ самой дюжинной дѣвушкѣ идеальную героиню. Но потомъ, когда въ волосахъ зацвѣтетъ миндаль и начнутъ слабѣть смотрящіе въ окно, когда, повидимому, слабость зрѣнія открываетъ особенно широкій просторъ иллюзіи, тогда человѣкъ становится наименѣе доступнымъ ей, и если предъ нимъ мелькнетъ что-либо дѣйствительно свѣтлое и чистое, онъ отнесется къ нему съ подозрѣніемъ и недовѣрчиво: подъ дѣвственнымъ румянцемъ красавицы онъ усмотритъ самыя невысокія желанія, въ горячемъ призывѣ къ добру ему послышится стремленіе оратора къ диктатурѣ, въ дѣлахъ благотворенія онъ увидитъ эгоистическую заботу о славѣ. А когда безкорыстіе словъ и дѣла будутъ внѣ всякаго сомнѣ-

---

[1]) Гейне, разговоръ въ Падеборской степи.

нія, онъ увидитъ въ нихъ юношеское сумасбродство, увлеченіе фантазіями, незнаніе и непониманіе жизни.

И вотъ, когда читаешь философскіе и научные трактаты нашихъ дней—дней перехода отъ одного вѣка къ другому, когда на цѣлый рядъ вопросовъ постоянно находишь отвѣтъ: ignoramus et ignorabimus — не знаемъ и никогда не будемъ знать, когда, при размышленіи и разсужденіи о благороднѣйшихъ задачахъ человѣчества, постоянно слышишь въ отвѣтъ: наше время—не время широкихъ задачъ, тогда невольно приходишь къ предположенію: не переходитъ ли человѣчество изъ возраста идеаловъ, изъ возраста юности въ возрастъ старчества и упадка? Не есть ли эта суровая трезвость мысли только трезвость плохого желудка? Отреченіе ученыхъ отъ міра сверхчувственнаго не указываетъ ли на то, что ихъ чувства притупились и ослабѣли? Мы не можемъ знать: есть Богъ или нѣтъ; мы не можемъ знать о себѣ: ожидаетъ ли насъ безсмертіе или въ могилѣ насъ ждетъ покой небытія; мы не можемъ знать о вещахъ, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, сами въ себѣ, въ своей сущности; мы не можемъ знать ни одной истины, имѣя неоспоримыя и несомнѣнныя доказательства, что она истина. Мы раздѣляемъ наши поступки и влеченія на благородные и неблагородные, добрые и злые. Но принципъ этого раздѣленія оказывается условнымъ, шаткимъ, неустойчивымъ. Мы говоримъ о красотѣ, но анализируя прекрасное, въ концѣ концовъ приходимъ къ заключенію, что его нѣтъ, что красота субъективна, что если извѣстныя сочетанія линій, цвѣтовъ, звуковъ нравятся намъ, то это вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ причинъ, по которымъ мы ассоціировали, такъ сказать, связали, если не навсегда, то надолго, пріятныя ощущенія съ извѣстными сочетаніями. Но въ дѣйствительности нѣтъ красоты, нѣтъ добра, нѣтъ истины, т.-е. намъ во всякомъ случаѣ не найти ихъ. Непроницаемый мракъ окружаетъ насъ, и нѣтъ у насъ никакого источника свѣта, который помогъ бы намъ разглядѣть, что на самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя вселенная. Какіе здѣсь идеалы!

Чтобы прожить хотя какъ-нибудь нѣсколько десятилѣтій въ этомъ густомъ мракѣ, нужно какъ можно менѣе пускаться и заглядывать въ даль, нужна большая осторожность. Маленькіе беззащитные звѣрки обыкновенно боятся выходить изъ лѣса на открытыя поляны, потому что здѣсь они легко могутъ стать добычею остроглазыхъ крылатыхъ и четвероногихъ хищниковъ, такъ и для человѣка не безопасно устремлять свои мысли или направлять свои желанія за предѣлы той скорлупы, въ которую онъ заключенъ. Попытка перешагнуть границы назначенныя природою, все равно, какъ попытка Икара взлетѣть на солнце—всегда должна кончаться гибелью того, кто ее предпринимаетъ. Итакъ, никакихъ идеаловъ, никакихъ грезъ, никакихъ широкихъ задачъ, сиди въ своей норѣ и не тянись къ небу.

Таковъ завѣтъ подсказываемый философіею и наукой XIX столѣтія вѣку XX-му. Философія и наука XIX вѣка разрушили всѣ праздныя грезы и нелѣпыя фантазіи, но, говоритъ поэтъ,

Всѣ вопросы фантазера
Осмѣялъ ты ядовито,
Одного ты не разрушилъ,
Что глубоко въ сердцѣ скрыто [1]).

То, чего наука и философія не нашли во всей вселенной, человѣкъ нашелъ въ собственномъ сердцѣ; ощущеніе безконечнаго, чувство существованія высшей правды и высшей красоты. Руководимое тяготѣніемъ къ безконечному, человѣчество и продолжаетъ свой благородный путь per aspera ad astra. Въ то время, какъ теорія, повидимому, намѣтила наукѣ задачу не искать истины, а служить практическимъ интересамъ человѣка; чуждое всякихъ житейскихъ расчетовъ исканіе истины происходитъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ оно никогда не производилось прежде. На сколькихъ обсерваторіяхъ теперь мерзнутъ и слѣпнутъ

[1]) Тамъ же.

ученые въ попыткахъ разгадать тайны неба. Сколько экспедицій снаряжается теперь къ обоимъ полюсамъ, во внутренность экваторіальныхъ пустынь, чтобы изслѣдовать то, что не удалось изслѣдовать доселѣ. Что побуждаетъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ? Не житейскіе расчеты, не надежда на полученіе практической пользы, а исконная надежда, постоянно обманывавшаяся и никогда не умирающая, что новыя открытія, поставленныя въ связь со старыми знаніями, приблизятъ насъ къ обладанію истины — истины вѣчной и святой. Отъ познанія истины человѣчество можетъ отказаться на словахъ, но никогда не откажется отъ него на дѣлѣ. Утверждая, что небо пусто, оно однако все съ возрастающимъ усердіемъ строитъ лѣстницу къ небу, возводитъ одну ступень надъ другою. Если бы на самомъ дѣлѣ человѣчество отказалось отъ своихъ идеальныхъ стремленій, эта лѣстница была бы сломана, разрушена и забыта. Точно также, хотя наука о нравственности и пытается лишить устойчивости теоретическіе принципы нравственности, святая правда нравственнаго ученія Евангелія сознается все шире и глубже человѣчествомъ. Человѣчество слабо, оно ссорится, воюетъ, обманываетъ, совершаетъ преступленія, но, видно, оно все яснѣе и яснѣе чувствуетъ свою слабость и преступность и все рѣшительнѣе стремится становиться лучше. Оно продолжаетъ воевать, но оно уже возмущается войною. Преступленія совершаются, и преступниковъ караютъ, но уже прочно установлено положеніе, что должно заботиться объ исправленіи преступниковъ. Люди обманываютъ и эксплоатируютъ одни другихъ, но рядомъ съ этимъ все шире и шире развивается взаимопомощь и благотворительность. Заповѣди Христа: люби ближняго, какъ самого себя; относись къ другимъ такъ, какъ ты бы хотѣлъ, чтобы другіе относились къ тебѣ, эти заповѣди еще далеко не исполняются, но внутренне сознана правда этихъ заповѣдей и растетъ желаніе ихъ исполнять. Въ то время, какъ изъ исповѣдуемой теоріи слѣдуетъ, что все безполезное и слабое должно сметать съ лица земли, строятъ пріюты для неизлѣчимо боль-

ныхъ, для инвалидовъ, для престарѣлыхъ вдовъ. Философскія теоріи нашихъ дней не признаютъ чистой красоты, отрицаютъ объективность прекраснаго, требуютъ реализма, практицизма, но число музеевъ, содержащихъ произведенія чистаго искусства, все растетъ и растетъ. И если мы въ галлереяхъ музеевъ, на выставкахъ присмотримся, предъ какими произведеніями наиболѣе останавливается публика, гдѣ смолкаютъ разговоры и на лицахъ появляется выраженіе думы и волненія, то увидимъ, что это опять произведенія съ тѣмъ же стариннымъ сюжетомъ, съ тою же вѣчною темою, призывающею насъ въ заоблачный міръ. Копіи и снимки съ какихъ картинъ покупаются преимущественно? Съ тѣхъ, на которыхъ художники пытались преимущественно изобразить идеальныя лица, къ созданію которыхъ ихъ подвигало томленіе по идеалу. Не будемъ говорить о произведеніяхъ религіозной живописи старыхъ мастеровъ. Въ тѣхъ залахъ дрезденской галлереи, гдѣ собраны произведенія современныхъ художниковъ, мимо историческихъ и жанровыхъ картинъ проходятъ, не останавливаясь надолго, но передъ такими картинами, какъ Гофмана—«отрокъ Іисусъ во храмѣ», «блудница передъ Христомъ», «Христосъ на Генисаретскомъ озерѣ» всегда стоятъ задумчивые зрители, и трудно, думается, найти такой мало-мальски населенный городокъ на земномъ шарѣ, куда бы ни проникли снимки съ подобныхъ произведеній. Даже произведенія декадентовъ и символистовъ задерживаютъ на нѣкоторое время вниманіе публики. Зрители подходятъ къ нимъ привлекаемые необычностью картины, ея несогласіемъ съ обыденною дѣйствительностью; задумчиво стоитъ зритель передъ какою-нибудь русалочною головкой съ зелеными волосами, пытаясь проникнуть въ мысль автора, и только тогда, когда онъ убѣдится, что этой мысли все равно не понять и что вѣрнѣе всего ея и нѣтъ совсѣмъ, только тогда онъ отходитъ отъ картины разочарованный. Въ парижской оперѣ въ послѣднее время пользуются большимъ успѣхомъ произведенія Вагнера—Лоэнгринъ, безконечное Кольцо нибелунговъ. Что тянетъ парижанокъ и пари-

жанъ смотрѣть на эти мистическія и фантастическія оперы? Вѣдь онѣ содержатъ въ себѣ отрицаніе міра дѣйствительнаго, отрицаніе правды и реализма. Въ Берлинской оперѣ, когда начинаются вагнеровскіе вечера, трудно добиться билетовъ. Чтобы слушать Вагнера безъ выпусковъ, въ Байретъ стекаются музыкальные пилигримы, терпятъ неудобства жизни въ деревнѣ и однако ѣдутъ. Отчего это? отчего въ искусствѣ людей привлекаетъ изображеніе того, чего нѣтъ, что не можетъ быть, отчего химера, фантазія такъ сильно привлекаютъ къ себѣ человѣчество? Вѣдь, картины и статуи съ фантастическими сюжетами, драмы и оперы съ невозможнымъ содержаніемъ («Потонувшій колоколъ» Гауптмана, «Парсиваль» Вагнера) могутъ только разстроить воображеніе. Какія разумныя мысли и чувства могутъ дать онѣ? Не должно ли бороться съ ними, какъ со зломъ, и не должно ли повѣрить тѣмъ, которые говорятъ, что произведеніямъ подобнаго больного искусства приходитъ конецъ. Въ этихъ произведеніяхъ сказываются какіе-то потуги и порывы къ чему-то, что выше насъ, чего не можетъ дать дѣйствительность. Человѣка какъ будто что-то манитъ куда-то за предѣлы нашего міра, но это обманчивый зовъ, его не должно слушать, и нѣкоторые говорятъ, что люди его и не будутъ слушать въ будущемъ. Но, говоритъ поэтъ,

Други! не вѣрьте: все та же единая
Сила манитъ насъ впередъ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя.
Правда все та же [1]).

Правда все та же. Сущность этой правды заключается въ томъ, что человѣкъ не можетъ быть счастливъ въ томъ мірѣ, въ которомъ онъ живетъ. Горе не въ томъ, что человѣкъ несчастливъ на землѣ теперь, а въ томъ, что онъ никогда на ней не можетъ быть счастливъ. Мы можемъ допустить,

---

[1]) Гр. Алек. Толстой, Противъ теченія.

что настанетъ время, когда на землѣ совсѣмъ исчезнутъ физическія страданія. Не имѣя возможности побѣдить болѣзни и смерть, медицина можетъ быть побѣдитъ боль: анестезирующія и какія-либо иныя средства будутъ давать людямъ возможность жить и умирать не страдая. Развитіе прикладныхъ наукъ и искусствъ можетъ быть будетъ тогда доставлять людямъ всего болѣе, чѣмъ нужно — комфортъ, житейскія удобства; все будетъ тогда у людей. Правильное, разумное воспитаніе будетъ дѣлать ихъ крѣпкими и бодрыми. И вопреки положенію, что благополучіе вообще кратковременно, они будутъ жить благополучною жизнію долѣе, чѣмъ сколько мы влачили наше жалкое существованіе. Но на самомъ дѣлѣ, если между людьми не будетъ раздоровъ, не будетъ борьбы за существованіе, если у всѣхъ будетъ достаточно хлѣба и всякій будетъ имѣть возможность прочитать столько книгъ и прослушать столько пѣсенъ, сколько онъ захочетъ, то будутъ ли люди счастливы? На это должно отвѣтить безусловно отрицательнымъ образомъ. Счастье человѣка, какъ и царствіе Божіе, находится въ сердцѣ самого человѣка. Чувства скорби, тоски, недовольства вовсе, вѣдь, удѣлъ не однихъ голодныхъ и обездоленныхъ людей. Наша жажда знанія и въ томъ вѣдь будущемъ соціальномъ и экономическомъ строѣ останется неудовлетворенной, наше стремленіе къ совершенству, къ духовнымъ наслажденіямъ, къ духовнымъ восторгамъ будутъ оставаться безъ отклика и безъ отвѣта. Нашъ умъ и наше чувство могутъ успокоиться только на безконечномъ; только въ познаніи Бога и въ любви къ Богу человѣкъ можетъ найти свое счастье, и на землѣ доселѣ счастливы были только святые. Мы не можемъ успокоиться на знаніи только уравненій и на общеніи лишь съ тѣми, кто равенъ намъ. Мы ищемъ высшаго. Найдемъ ли мы его? Отвѣтъ на этотъ вопросъ есть дѣло личнаго убѣжденія и личной вѣры каждаго изъ насъ. Но несомнѣнно, что въ исканіи этого высшаго люди находятъ относительное счастье на землѣ.

Они находятъ его въ исканіи истины. XIX вѣкъ принесъ

много разочарованій тѣмъ, кто думалъ, что настало время овладѣть истиной, онъ безконечно умножилъ число міровыхъ загадокъ, но если вслѣдствіе этого разочаровался разумъ многихъ, то у многихъ успокоилось сердце. Въ исканіи истины неумѣренно смѣлые изслѣдователи вышли изъ предположенія, что міръ очень грубая машина, въ которой существуютъ лишь матерія и движеніе. Научныя изслѣдованія разоблачили наивность этого матеріалистическаго міропониманія. Оказалось, что въ наукѣ еще нѣтъ масштаба, по которому можно бы было вымѣрять міръ. Отъ вѣка люди все измѣряли прямой линіей, но только въ XIX вѣкѣ попытались изслѣдовать ея природу. Она оказалась загадочной. Возможно, говоритъ Риманъ, что прямыя линіи могутъ пересѣкаться между собою въ двухъ точкахъ, не совпадая, и возможно, что параллельныхъ линій совсѣмъ не существуетъ. Возможно, говоритъ, наоборотъ, Лобачевскій, что изъ точки, лежащей внѣ прямой линіи, можно провести къ послѣдней безчисленное количество параллельныхъ. Возможно, говорятъ многіе, что кромѣ трехъ измѣреній, которыя мы знаемъ (линейныя, поверхностей и объемовъ), существуетъ четвертое, можетъ быть пятое. И всѣмъ этимъ возможностямъ не противорѣчитъ то, что мы знаемъ о дѣйствительности, и геометрія Эвклида, по которой мы измѣряемъ все, утверждается новыми теоріями, только она пріобрѣтаетъ новое значеніе. На нее смотрятъ не какъ на дисциплину, содержащую вѣчныя истины, а какъ на систему, построенную на нѣкоторыхъ приблизительно (практически) точныхъ данныхъ опыта. Математикамъ въ XIX столѣтіи пришлось неоднократно въ своихъ исканіяхъ отступать назадъ. Искали формулъ для рѣшенія уравненій выше 4-ой степени, и Абель нашелъ, что такихъ формулъ не можетъ быть. Искали формулы для выраженія величины основанія неперовыхъ логариѳмовъ, и Гермитъ доказалъ, что эта величина не можетъ быть выражена корнемъ никакого алгебраическаго уравненія. Пытались выразить въ алгебраической формулѣ отношеніе окружности къ діаметру, и Линдеманъ показалъ, что

въ такой формулѣ оно невыразимо. Очевидно, мы не владѣемъ ни совершенными методами и пріемами для измѣренія міра и, очевидно, мы не владѣемъ такою точкою зрѣнія, съ которой онъ намъ явился бы такимъ, каковъ онъ есть дѣйствительно. Это печально, но было бы несравненно печальнѣе, если бы оказалось, что міръ такъ простъ и ничтоженъ, что былъ бы совершенно разгаданъ нашимъ безмѣрно-ограниченнымъ разумомъ и нашими ограниченными изслѣдованіями. За много вѣковъ до Р. Х. въ Индіи и Греціи находились философы (Канода, Левкиппъ, Демокритъ), которые всѣ явленія міра истолковывали, какъ движеніе матеріи, какъ движеніе атомовъ. Въ концѣ XVIII столѣтія французскими философами (главнымъ образомъ Гольбахомъ) была построена система міра въ духѣ этой древней философіи. Картина міра получалась очень простая. Въ безконечномъ пространствѣ по всевозможнымъ направленіямъ двигается безчисленное количество атомовъ. Изъ комбинацій ихъ слагаются небесныя тѣла: звѣздные міры, млечный путь, кометы, планеты, наша земля. Изъ различныхъ комбинацій атомовъ образовались атмосфера, вода, минералы, затѣмъ растенія, животныя, человѣкъ. Въ половинѣ XIX столѣтія нѣмецкіе матеріалисты (Фохтъ, Бюхнеръ, Молешотъ) продолжили дѣло истолкованія міра въ такомъ духѣ. Они давно уже пережили свою славу и очень недавно сошли въ могилу. На мыслителя настоящихъ дней эта исторія міра, полагаю, должна произвести гораздо болѣе грустное впечатлѣніе, чѣмъ на истиннаго художника Суздальская живопись. Въ послѣдней все просто, прямолинейно, но по крайней мѣрѣ нѣтъ претензій. А здѣсь въ этой нелѣпой картинѣ безсмысленныхъ движеній индійскіе, греческіе, французскіе, нѣмецкіе мыслители хотѣли видѣть истину. Инстинктъ подсказываетъ человѣку, что міръ устроенъ просто, и безъ сомнѣнія этотъ инстинктъ сильно вліялъ на построеніе матеріалистическихъ теорій міра. Но тотъ же инстинктъ подсказываетъ человѣку, что міръ непремѣнно устроенъ разумно. Творцы матеріалистическихъ теорій не слушались голоса

этого инстинкта, и анализъ показалъ, что въ ихъ объясненіяхъ все было просто, потому что они ничего не объясняли. Атомъ оказался непредставимымъ, движеніе непонятнымъ, пространство и время необъяснимыми. Ни одинъ философъ не станетъ отрицать теперь того, что міръ не таковъ, какимъ кажется и какимъ мы его можемъ представить. Явленія міра законосообразность, гармонія, цѣлесообразность скрываютъ за собою безконечную разумность. Наука не разрѣшаетъ этой тайны, но она даетъ нѣкоторое сладкое предчувствіе ея, наука расширяетъ границы міра, показывая громадные міры въ безконечныхъ звѣздныхъ пространствахъ и безчисленное количество микроорганизмовъ въ каплѣ воды, наука,—оставляя въ сторонѣ ея практическую пользу, — даетъ человѣку предчувствіе безконечной истины, и уже это предчувствіе или смутное чувство несетъ съ собою много свѣтлаго и радостнаго. Но однако та же наука безпощадно выясняетъ предъ человѣкомъ истину, что на землѣ онъ не узнаетъ истины. Но человѣкъ идетъ къ истинѣ и въ его душу заложено непреодолимое стремленіе искать ее. Тотъ, кто вложилъ въ человѣка стремленіе, тотъ и удовлетворитъ его, но, очевидно, не здѣсь, а въ иныхъ условіяхъ бытія, въ иномъ мірѣ. Стремленіе человѣка къ истинѣ, выражающееся въ безкорыстномъ служеніи наукѣ, и есть стремленіе къ идеальному, высшему міру. «Теперь, говоритъ апостолъ, мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ» (1 Кор. XIII, 12). Тяготѣніе къ этому идеальному знанію и теперь управляетъ движеніемъ культурнаго человѣчества. Истина — вотъ его идеалъ. Только теперь, когда дѣйствительность лучше изучена человѣчествомъ, этотъ идеалъ сталъ въ его глазахъ какъ бы выше, чище, священнѣе. Человѣчество такъ часто обманывалось въ прошедшемъ, принимая ложь за истину, такъ долго наставлялось въ томъ, что истиною нельзя овладѣть даромъ и легко, что непремѣннымъ условіемъ приближенія къ ней является добросовѣстное и усердное ея иска-

ніе, оно такъ долго убѣждалось въ этомъ, что теперь уже должно проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ истинѣ.

Я уже говорилъ о тѣхъ шагахъ, которые человѣчество дѣлаетъ по направленію къ добру. Человѣчество можетъ быть еще и не имѣетъ любви, но оно хочетъ ее имѣть, оно чувствуетъ, что счастье въ любви, а не во враждѣ. Но гдѣ можетъ найти удовлетвореніе себѣ любовь благоговѣйная, умиленіе, восторгъ предъ высшимъ совершенствомъ? Не здѣсь, не на землѣ успокоится сердце въ безграничной любви, а на небѣ въ общеніи съ Богомъ. И каждый шагъ, который дѣлаетъ человѣкъ безкорыстно по пути къ добру, есть шагъ, приближающій его къ Богу.

Пониманіе прекраснаго и наслажденіе прекраснымъ безъ сомнѣнія расширились въ XIX столѣтіи. Но что значитъ наслаждаться прекраснымъ? Значитъ переноситься изъ міра дѣйствительнаго въ міръ идеальный, значитъ при созерцаніи относительно прекрасныхъ произведеній природы или искусства предчувствовать существованіе красоты совершенной— «красоты, читаемъ мы у Платона, чистой, простой и безпримѣсной, не облеченной въ человѣческое тѣло и краски, не имѣющей въ себѣ ничего измѣнчиваго и исчезающаго, божественной, однородной, абсолютной». Это предчувствіе идеальной красоты заставляло и допотопнаго дикаря выцарапывать на костяхъ изображеніе мамонта или оленя и оно же заставляло Бетховена писать его сонаты. Прекрасное возвышаетъ человѣка, поднимаетъ его надъ дѣйствительнымъ міромъ и затѣмъ, когда человѣкъ возвращается къ прозѣ этого міра, прекрасное поддерживаетъ его, подсказывая ему вѣру въ существованіе иного высшаго міра, гдѣ существуютъ не образы красоты, а сама красота, и гражданиномъ какого міра долженъ стать человѣкъ.

Такъ, поскольку человѣкъ стремится къ истинѣ, добру и красотѣ, постольку онъ стремится къ иному міру. Лучшія произведенія духовной дѣятельности культурнаго человѣчества показываютъ, что оно смотритъ на земную смерть не какъ на конецъ, а какъ на дверь, ведущую въ этотъ иной

міръ. Всѣ заботы, которыя культурное человѣчество предпринимаетъ о градѣ здѣсь пребывающемъ, показываютъ, что оно руководится мыслію о градѣ грядущемъ. Стоитъ только посмотрѣть на смерть, какъ на послѣднюю точку въ исторіи нашей жизни, и красота міра исчезаетъ, добро теряетъ свой смыслъ, истина удаляется въ заоблачный міръ. Но какъ только мы взглянемъ на здѣшнюю жизнь, какъ на приготовленіе къ жизни будущей, все принимаетъ другой видъ. Міръ является исполненнымъ тайнъ, которыя нужно понять, цѣлей, которыя должно осуществить, и все въ бытіи принимаетъ глубокіе смыслъ и значеніе.

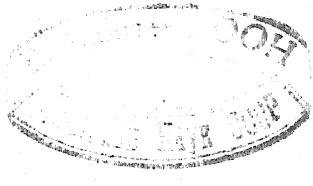
Многіе философы и ученые XIX вѣка отказались отъ вѣры въ этотъ иной міръ, они заявили, что не хотятъ знать и думать о немъ. Если бы они осуществили на дѣлѣ свои теоріи, это было бы ужасно, но къ счастію ихъ дѣла были гораздо лучше ихъ словъ. Въ жизни они служили наукѣ, искусству, т.-е. тому, что и безсмысленно и ненужно, если существуетъ лишь земная жизнь. Зачѣмъ искать то, чего никогда не найдешь? Однако, если въ этихъ теоріяхъ, отрицающихъ все кромѣ чувственнаго міра, отцы пожелаютъ воспитать своихъ дѣтей, то дѣти могутъ оказаться послѣдовательнѣе отцовъ. Они начнутъ искать на землѣ лишь то, что на ней можно найти, и тогда начнутъ исчезать безкорыстное исканіе истины, мученическое служеніе добру, поклоненіе чистому искусству. На это предположеніе отъ всей души хочется воскликнуть: да не будетъ!

Заря XX столѣтія занимается. Будемъ надѣяться, что всѣ мы увидимъ, какъ и взойдетъ солнце наступающаго вѣка, но не намъ, конечно, суждено будетъ увидѣть, какъ закатится это солнце. Кто и что будетъ здѣсь черезъ столѣтіе, объ этомъ не суждено намъ знать. Другіе люди здѣсь будутъ говорить, и другія рѣчи будутъ раздаваться. Но закончимъ нашу рѣчь добрымъ пожеланіемъ этимъ нами незнаемымъ потомкамъ. Пусть они будутъ счастливѣе своихъ предковъ! У нѣкоторыхъ людей нашихъ дней, которые во многомъ лучше многихъ, мы часто видимъ раздвоенность:

они отрицаютъ вѣру въ высшій міръ, въ идеалы, въ высшее назначеніе и живутъ такъ, какъ будто дѣлами ихъ руководитъ эта вѣра. Пусть ихъ потомки будутъ подобны имъ по дѣламъ, а не по вѣрѣ. Пусть вмѣсто раздвоенности явится гармонія, и религія будетъ освѣщать и объяснять человѣку его идеальныя стремленія и благословлять и укрѣплять его въ трудной работѣ достиженія идеаловъ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Января 22 дня 1901 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Москва. Университетская типографія, Страстной бульваръ.